

Актуальность и повседневность: ранняя проза Чехова и «малая пресса» 1880-х годов

Такая особенность поэтики зрелых текстов А. П. Чехова как бессобытийность, или проблематизация события, часто становилась объектом внимания исследователей. В отношении пьес Чехов сам первый обозначил ее в знаменитом высказывании: «Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни» [Гурлянд 1961: 206]¹. В отношении прозы уже первые критики писали о пошлости и серости человеческой жизни в рассказах Чехова. Это свойство чеховского художественного мира было позже описано и в литературоведении [см.: Краснов 2002, Замятин 2010]. Но эта проблема редко рассматривается в связи с ранним творчеством, которое чаще всего характеризуется как новеллистическое [см.: Замятин 2010, Кржижановский 2010], поэтому мы хотели бы рассмотреть ранние рассказы Чехова, напечатанные в юмористических журналах, и другие тексты из этих изданий с точки зрения событийности².

При описании особенностей юмористических журналов 70—80-х гг. XIX в. ученые отмечают две противоположные тенденции: с одной стороны, ориентация на годовой цикл, повседневность, обыденность, с другой — на злободневность, на актуальные события.

Про провую тенденцию пишет Т. Ю. Ильюхина:

...жизнь человека с младенчества до старости, годовой ее цикл, повторяющийся из года в год, — макросюжет массового издания. Один из частных мини-сюжетов — «конспект» жизни отдельного человека, мужчины, женщины,

¹ Цит. по: Шах-Азизова Т. К. Полвека в театре Чехова, 1960—2010. М., 2011. С. 24.

² Следует сразу оговорить, что в первую очередь мы будем рассматривать именно юмористические журналы («Осколки», «Стрекоза», «Будильник»), а не газеты («Петербургская газета», «Новости дна»). Эти два типа изданий довольно сильно различаются, особенно с точки зрения ориентации на злободневность. Мы позволим себе ограничиться именно журналами, так как подавляющее большинство ранних текстов Чехова было напечатано именно в них.

составленный по неожиданным для читателя правилам, что создает комический эффект [Ильюхина 2002: 6].

Два ключевых фактора, обуславливающих жизнь персонажа «малой прессы», — это годовой цикл и профессия или социальный статус. Достаточно вспомнить сборник Н. А. Лейкина «Мученики охоты» [см.: Лейкин 1880], где каждый рассказ дает определенный тип человека, одержимого каким-то увлечением: «Голубятник», «Собачник», «Нумизмат», «Собиратель портретов». Развитие этой же тенденции можно увидеть в юмореске Чехова «Два романа» (1883), где герои описывают любовные переживания языком своей профессии.

Ее habitus не плох. Рост средний. Окраска кожных покровов и слизистых оболочек нормальна, подкожно-клетчатый слой развит удовлетворительно. Грудь правильная, хрипов нет, дыхание везикулярное. Тоны сердца чисты [Чехов 1974—1982/1: 481].

Подобные юморески, построенные на пересечении разных дискурсов (как в данном случае любовного и медицинского), появляются довольно часто. Интересно, что этот популярный в юмористике прием описания явления нехарактерным для него языком очень актуален для «большой» литературы 2-й половины XIX в., ориентирующейся на научные достижения. Достаточно обратиться к заглавиям: в русской литературе это «Физиология Петербурга» (1845), в зарубежной — замыслы Бальзака «Физиология брака», «Патология социальной жизни», «Анатомия педагогической корпорации». Таким образом, принципы наукообразия и типизации, которые были популярны в «большой» литературе в середине века, доводятся до крайности и остаются в журнальной юмористике.

Связь отдельных жанров «малой прессы» с традициями физиологического очерка отмечал А. П. Чудаков, он назвал этот новый жанр «юмористической физиологией», где «в облегченно-комической или пародийной форме излагается история какой-либо профессии, обычая, института, привычки, моды» [Чудаков 1986: 76].

Стремление к «полноте описания социофизического мира» [Смирнов 2000: 39], к наукообразию и ориентация на годовой цикл очень ярко отразились в книге «Человеческая комедия», выпущенной журналом «Стрекоза» в 1882 г. В предисловии И. Ф. Василевский, который был главным редактором и постоянным автором «Стрекозы», рассказывает, что замысел был позаимствован у французов:

Идея этой книги взята у французов. Известный бойкостью и оригинальностью своего карандаша карикатурист Берталль (Bertall) издал три объемистые тома своих донельзя разнообразных этюдов и пародий, воспользовавшись для текста литературным участием остроумного и заслуженного редактора «*Journal amusant*» Пьера Веррона.

Маленькая энциклопедия Берталля задалась мыслию воспроизвести пером и карандашом всю будничную историю человеческой жизни, начиная колыбелью, кончая могилою, и вышла под сборным заглавием «*Comédie humaine*». Книга Берталля, конечно, имела дело с французским обществом.

Нам понравился общий план Берталля и Веррона.

Он давал возможность, шутя, всюду забраться и обо всем, хотя бы вскользь, поговорить [Василевский 1882: I].

В книге представлены следующие разделы, охватывающие все проявления человеческой жизни: рождение, крещение, учение и т. д. Примечательно название книги — «Человеческая комедия», отсылающее к одноименному замыслу Оноре де Бальзака³. Как известно, Бальзак тоже стремился описать в своих произведениях всю жизнь современного ему общества. В предисловии к «Человеческой комедии» Бальзак писал:

Общество подобно Природе. Ведь Общество создает из человека, соответственно среде, где он действует, столько же разнообразных видов, сколько их существует в животном мире. <...> Стало быть, существует и всегда будут существовать виды в человеческом обществе, так же как и виды животного царства. <...> Таким образом, предстояло написать произведение, которое должно

³ Среди книг Берталля нам не удалось найти книги с таким названием, скорее всего, Василевский имел в виду трехтомник «*La comédie de notre temps*» («Комедия нашего времени», 1874—1876). Если наше предположение верно, то подобная замена названия показывает, что для Василевского произведения Берталля и Бальзака были связаны, пусть даже ассоциативно.

читая и наскоро друг друга объегоривая, что литературная пища его непременно должна быть сборною окрошкой, «с пылу с жару» подаваемую [Василевский 1882: 125].

Но при всем этом, на наш взгляд, актуальность содержания нивелировалась традиционностью формы. Новое событие описывалось в устоявшихся, хорошо знакомых читателю формах сценки, фельетона, мелочишки, что позволяло увидеть в новом что-то уже знакомое, «стирало» новизну и актуализировало обыденность. Событие становилось несобытийным. Например, в 1885 г. в «малой прессе» при описании афганского кризиса авторы разных изданий часто прибегают к одному приему — они дают картину экзотической страны, в которой начался конфликт между Россией и Британской империей, глазами обывателя, далекого от понимания проблемы. Вот отрывок из постоянного фельетона «Стрекозы» «Всеякие злобы дня»:

Петербуржец смышлен и ловок, как ублюдок от ерша и вьюна, и если его хорошенько прижать к стене, да пристыдить как следует, так он и о Герате порасскажет кое-что. Во-первых, скажет он, географическая территория такая есть. Во-вторых, Герат лежит, наверное, за Ориенбургом и где-то даже за Уфою. Нужно вам сказать, что в понимании нашем ясном и категорическом, восточные страны России ограничиваются Уфою. Дальше уже идет сплошь какая-то полуфабулезная Ташкентия, наиболее замечательная и занимательная своими щедринскими. В-третьих, объяснят вам, в Герате очень много песков. Это степь чрезмерных размеров. Горы тоже там есть, по уверению карикатуристов «Нового времени». И не без речек тоже; но воды мало, так мало, что солдаты пресованные консервы из льда в походных мешках с собой носят. Большой расход у интендантов и на сельтерскую воду. На степях рассеяны кибитки. Возле каждой кибитки — тройка верблюдов, на случай неожиданного переезда. Местное население носит шали на головах и ходит в пестрых халатах, но брюк вовсе не признает. Мужчины едят баранину и до непристойности грубы. Дамы отдают неприятным запахом и неосторожны. Дети поедаются насекомыми и потому страшно кричат. Ни газет, ни театров, ни телефонов нет [Всеякие злобы дня 1885: 2].

В «Осколках петербургской жизни» можно встретить следующее описание Англии:

Говорят о войне с Англией...

Что такое Англия?

Англичане живут на островах, но из этого вовсе не следует, что у них там так же весело, как у нас на островах (то есть на островной части Санкт-Петербурга. — О. О.). Напротив, англичане презирают оперетку, шансонетку и француженок и страдают постоянно, вследствие туманов и фабричного дыма, сплином. Это такая особенно скучная болезнь: смесь насморка, мигрени, геморроя и карточного проигрыша. Англичанки не боятся щекотки, имеют лошадиные зубы и подают к чаю черный хлеб. Англичане любят бульдогов больше собственных детей. Англичане питаются кровавыми бифштексами, после обеда напиваются, ездят на верхушке конок, пускают без церемоний сигарный дым в лицо соседям — а вообще народ деловитый, серьезный и солидный [Билибин 1885: 3—4].

Оба примера взяты из фельетона — жанра, который должен был острее всего реагировать на происходившие события. Как видно из примеров, актуальные события описываются по одному шаблону, который использовался постоянно. Его можно найти и в рассказе Чехова «К характеристике народов» 1884 г.:

Англичане очень дорого ценят время. «Время — деньги», говорят они, и потому своим портным вместо денег платят временем. Они постоянно заняты: говорят речи на митингах, ездят на кораблях и отравляют китайцев опиумом. У них нет досуга... Им некогда обедать, бывать на балах, ходить на randevу, париться в бане. На randevу вместо себя посылают они комиссионеров, которым дают неограниченные полномочия. Дети, рожденные от комиссионеров, признаются законными. Живет этот деловой народ в английских клубах, на английской набережной и в английском магазине. Питается английской солью и умирает от английской болезни [Чехов 1974—1982/3: 114].

На наш взгляд, методы отсылок к актуальным событиям в «малой прессе» зависят от жанра. Чаще всего отсылки к «новостям» появляются в жанре с наиболее жесткой структурой — юмореске, в котором форма устойчивого языкового жанра (анекдот, библиография, рецепт) наполнялась актуальным содержанием. Многие юморески состоят из нескольких анекдотов, тематически объединенных вокруг одного события, например, юмореска «И то, и се (письма и телеграммы)» Чехова, посвященная приезду Сары Бернар.

В рассказах, сценках, очерках проникновение «злобы дня» намного более ограничено. Можно назвать два основных приема создания иллюзии реальности. Первым становится употребление незначительных для сюжета «маркеров» реальности. Например, как известно, Чехов просил Лейкина вставить в рассказ «Ворона» названия «увеселительных мест» Петербурга, чтоб рассказ стал более интересным для столичных жителей [см.: Чехов 1974: 151]. Сам Лейкин часто использует этот прием. В сценке «В четырех стенах» [см.: Лейкин 1885] сын графини насвистывает мотивы популярных арий и называет сами оперы (все они были в репертуарах театров в 1885 г.), эта деталь сюжетно не связана с остальным текстом, построенным на комизме характера старой графини.

В зрелом творчестве Чехова иногда используется принцип «маркеров реальности». Так, в «Попрыгунье» упоминается, что Ольга Ивановна «поехала к портнихе, потом к Барнаю, который только вчера приехал, от Барная — в нотный магазин» [Чехов 1974—1982/6: 26]. Актер Людвиг Барнай действительно гастролировал в России в 1890 г. В «Рассказе неизвестного человека», как и в раннем рассказе «Ворона», Чехов упомянул дорогие петербургские рестораны: «...обедали у Контана или Донона».

Второй прием для создания иллюзии реальности состоял в том, что актуальное событие использовалось как точка отсчета, фон, для диалогов сценки. Например, излюбленным приемом Лейкина было описание купцов в театре, на выставке или других культурных мероприятиях, которые проходили в то время. Само мероприятие было только фоном, главной задачей автора было продемонстрировать необразованность персонажей [см.: Лейкин 1992].

Разумеется, в творчестве и молодого Чехова, и его современников-юмористов встречаются и рассказы, написанные на злобу дня. Например, рассказ Чехова «В Париж!», посвященный ажиотажу вокруг первых опытов лечения от бешенства, которые проводил в 1886 г. Луи Пастер, или рассказ «Упразднили» — отклик на отмену в 1885 г. чинов майора и прапорщика. Но такие случаи являются, скорее, исключением.

Как видно из приведенных примеров, объем актуальной информации оказывается обратно пропорционален свободе жанра: чаще всего новости подаются в виде юморески, пародирующей твердые жанровые формы. То, что составляло «злобу дня», описывалось не как новость, а как материал для наполнения старой формы, поэтому и «новости» подбираются такие, о которых все уже знают и говорят. Можно сказать, что «малая пресса» описывает не действительно происходящие события, а то, что о них говорят люди — устоявшиеся мнения, слухи.

Юмористические журналы во многом следовали традициям «натуральной школы», но принцип типизации и наукообразия в них доводился до крайности и становился комичным. Актуальные события описывались с помощью старых шаблонов и оказывались не более новыми, чем новый дачный сезон или приход нового года. Чехов выходит из того странного типа журналистики, который не интересуется новым, а описывает мир как неизменный,двигающийся по кругу, наполненный скорее устойчивыми типами, чем характерами. Такое восприятие реальности и традиции ее описания не могли не повлиять на позднее творчество Чехова, в частности, на особенности описания событий в тексте.

СОКРАЩЕНИЯ

Бальзак 1982 — *Бальзак О.* Предисловие к «Человеческой комедии» // *Бальзак О.* Полное собрание сочинений: В 10 т. М., 1982. Т. 1.

Василевский 1882 — *Василевский И. Ф.* Человеческая комедия. СПб., 1882.

Гурлянд 1961 — *Гурлянд А.* [Гурлянд И. Я.] Из воспоминаний о Чехове // Чехов и театр. М., 1961. С. 206—207.

Замятин 2010 — *Замятин Е. И.* Чехов // А. П. Чехов: Pro et contra / Сост. Сухих И. Н. СПб., 2010. Т. 2.

Билибин 1885 — *И. Грэк* [Билибин В. В.] Осколки петербургской жизни // Осколки. № 12. 1885. С. 3—4.

Ильюхина 2002 — *Ильюхина Т. Ю.* Антоша Чехонте, Макар Балдастов и другие: Учебное пособие. Кемерово, 2002.

Коротаев 1939 — *Коротаев А. В.* Чехов и малая пресса 80-х годов // Ученые записки ЛГПУ им. А. И. Герцена. Л., 1939. Т. 24. С. 87–136.

Краснов 2002 — *Краснов П. Н.* Осенние беллетристы // А. П. Чехов: pro et contra / Сост. Сухих И. Н. СПб., 2002. Т. 1.

Кржижановский 2010 — *Кржижановский С. Д.* Чехонте и Чехов (Рождение и смерть юморески) // А. П. Чехов: Pro et contra / Сост. Сухих И. Н. СПб., 2010. Т. 2.

Лейкин 1880 — *Лейкин Н. А.* Мученики охоты. СПб., 1880.

Лейкин 1885 — *Лейкин Н. А.* В четырех стенах // Осколки. № 5. 1885. С. 5.

Лейкин 1992 — *Лейкин Н. А.* В Академии художеств // Лейкин Н. А. Шуты гороховые: Повести. Рассказы. М., 1992.

Всякие злобы дня 1885 — [Аноним.] Всякие злобы дня // Стрекоза. 1885. № 10. С. 2.

Смирнов — *Смирнов И. П.* Мегаистория. К исторической типологии культуры. М., 2000.

Чехов 1974—1982 — *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. М., 1974—1982.

Чехов 1974 — *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1974. Т. 1.

Чудаков 1986 — *Чудаков А. П.* Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М., 1986.